

Густав Михал Акартель

## К вопросу о русских подстандартных нарицательных, образованных от имен собственных и их польских соответствиях

Поскольку затруднения при переводе чаще всего возникают при передаче значений отдельных слов, проблема подобного рода обычно решается с учетом контекста. Под контекстом понимают, как правило, непосредственное лексическое окружение данного слова или выражения в устной или письменной речи. И именно в нем значение слова приобретает необходимые для понимания оттенки и определенный смысл. Что касается выбранного нами лексического материала, контекст можно было бы воспринимать также несколько шире, имея в виду толкование лексической единицы в словарях-источниках с ее отнесением к той или иной лексико-семантической (тематической) группе. К примеру, если в общем употреблении и понимании *Ботвинник* – это ‘фамилия известного шахматиста, чемпиона мира’, то в социолектах, с переходом к ним, *ботвинник* имеет значение ‘отличник, зубрила’, а также ‘тот, кто торгует в кооперативных ларьках мелкими товарами’ и ‘тот, кто ворует из этих ларьков’ (с предположительной мотивацией от слова *ботва*).

Пытаясь подобрать подходящий эквивалент, мы всегда имеем в виду слово в контексте или слово, обусловленное всем предыдущим и последующим изложением. Это и принято определять как контекст лингвистический, который делится на микроконтекст и макроконтекст<sup>1</sup>.

Микроконтекст может быть либо *синтаксическим* – конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или (придаточное) предложение, либо *лексическим* – совокупность лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых выступает данная единица. В свою очередь, макроконтекст понимается как языковое окружение, выходящее за пределы данного предложения, т.е. совокупность единиц, окружающих данную единицу в пределах абзаца, раздела и целого текста.

Помимо лингвистического, существенную роль играет и ситуативный (внелингвистический) контекст. При этом учитываются обстановка, время, место, одним словом, любые факторы реальной действительности,

---

<sup>1</sup> В.Н. Комиссаров, *Теория перевода (Лингвистические аспекты)*, Москва 1990, с. 142.

которые помогают правильно воспринимать значения языковых единиц в высказывании.

Тем самым, контекст подводит данную единицу языка к однозначности, что детерминирует для нее выбор необходимого эквивалента. Подобное обстоятельство в отношении подстандарта играет едва ли не самую существенную и определяющую роль в процессе восприятия сообщения.

Затрагивая данный вопрос, мы имеем в виду нарицательные имена, перешедшие из имен собственных. Это обусловлено тем, что имена собственные (в данном случае антропонимы) в своей исходной форме и таком же употреблении в контексте либо вне его не теряют своего значения, равно как и не приобретают нового, поскольку они однозначны. К таким именам следует относить как полные формы (*Геннадий, Иннокентий, Наталья*), так и так называемые обиходно-нейтральные образования от них (*Гена, Кеша, Наташа*)<sup>2</sup>.

Особую группу среди антропонимов представляют собой псевдонимы и клички, или прозвища (жарг. *кликухи*), т.е. вымышленные говорящие имена (напр., кликухи криминальных авторитетов *Япончик, Кириллыч, Батя, Яполец, Дед* и др.), обладающие своей мотивацией. Говорящие имена могут встречаться в художественном тексте как средство наделения данного персонажа определенной (говорящей) семантикой (напр., персонажи комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» – *Вральман, Кутейкин, Правдин, Простаков, Скотинин, Стародум, Цыфиркин*)<sup>3</sup>, а также имена, обусловленные в 20–30-е годы советской идеологией (*Диамара* – диалектический материализм, *Ревмира* – революция мира, *Рэм* – революция, электрификация, механизация и др.). Стоит также упомянуть об экспрессивных формах имен, передающих характер субъективного отношения к тому, кого так называют (*Наташка, Наташенька, Танька, Таточка* и пр.).

В центре нашего внимания, как уже говорилось, находится проблема перевода (подбора эквивалентов) для имен существительных нарицательных, происходящих от имен собственных. В силу различного рода ассоциаций в социолектах такие слова приобретают новые значения, что и влияет, в конечном итоге, на их переход в разряд нарицательных.

Лексический материал был почерпнут из словарей подстандартной лексики<sup>4</sup>.

Говоря о них как об источнике исследовательского лексического материала, необходимо учитывать неизбежные ограничения относительно достоверности представляемого ими состава ненормативной и не общеупотреб-

<sup>2</sup> См. об этом подробнее: П. Червинский, *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012, с. 7–28.

<sup>3</sup> Д.И. Фонвизин, *Недоросль*, Санкт-Петербург 2015.

<sup>4</sup> Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов, *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*, Москва 1992; В. Быков, *Русская феня*, Смоленск 1994; В.С. Елистратов, *Словарь русского арго*, Москва 2000; О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина, *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Москва 1999; В.М. Мокриенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2001; С. Снегов, *Язык который ненавидит. Толковый словарь лагерно-воровского языка*, Москва 1991.

бительной лексики. Причины могут быть объективными (напр., опечатки<sup>5</sup>) и субъективными (составители таких словарей не в состоянии отобразить весь словарный запас того или иного социолекта за данный период. Немаловажную роль играет также и то, что они не являются, как это обычно бывает, носителями данного языка, и их толкования по этой причине могут быть в целом ряде случаев неточны и приблизительны).

Для целей анализа нами были отобраны единицы, служащие как общим обозначением человека, так и показателями пола (мужского либо женского), внешнего вида, умственных способностей, рода занятий, в том числе по профессии, признаку расы, цвета кожи и др.

Как можно было заметить, отобранный лексический материал (нарицательные существительные) в сопоставительном аспекте, в большей или меньшей степени, подразделяется на две группы. Проведение четкой границы между ними не всегда очевидно. Первую группу составляют имена, происходящие непосредственно от имен собственных (их можно воспринимать как неосемантизмы, точнее квазинеосемантизмы, поскольку они предполагают также и переход от общеупотребительного языка к языку подстандарта). Вторую же представляют имена, лишь формально совпадающие в фонетическом и графическом отношении с собственными. Их также можно характеризовать как квазинеосемантизмы. Такие слова возникают в результате различных словообразовательных процессов (регулярных либо нерегулярных, нормативных либо ненормативных). При этом следует обратить внимание на тот факт, что такие слова (как, впрочем, и любые слова, стихийно появляющиеся в языке) создаются автоматически по существующим словообразовательным моделям. Анонимные авторы таких новообразований не задумываются над способами пополнения лексического запаса для создаваемых ими слов. Они опираются, как правило, на чувство того языка, носителями которого они являются, исходя из вдруг появившихся в их сознании ассоциативных связей, не представляя себе, что само собой разумеется, что при этом используют, напр., словообразовательную основу, морфемы, прибегают к метафоре, метонимии, контаминации, телескопизму и пр. В их сознании, таким образом, имеется некая общая схема, срабатывающая по аналогии к уже существующим лексическим единицам.

В ходе отбора интересующего нас лексического материала появился вполне логичный вопрос о том, как значение данного слова или квазинеосемантизма передать на другом языке – польском? Учитывая то, что русский и польский языки являются близкородственными, можно было бы ожидать, что эта проблема, в основном, решаема. Однако, поскольку каждый из этих двух языков существует в свойственной только ему действительности эта проблема становится не такой очевидной. За теми и другими квазинеосемантизмами оказываются закрепленными знания собственных породивших их социальных сред, знания не только во многом не сходные, но и нередко мало что имеющие общего между собой.

---

<sup>5</sup> См. об этом, напр.: В.В. Шаповал, *Теория и практика верификации словарных данных на основе источников*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 2016, с. 80–270.

Собранный материал представляет собой довольно регулярное<sup>6</sup> явление в области мотивирующих их источников. Это будут имена персонажей известных литературных произведений и кинофильмов (к этому можно добавить имена широко известных актеров): *Белоснежка, Буратино, Максимка* и др.; имена и фамилии исторических, а также ряда современных общественных и политических деятелей: *Демосфен, Пипин, Стаханов, Янаев* и др.; некоторые распространенные личные имена: *Абрам, Иван, Даша, Шурик* и др.; мифологические и библейские имена, имена богов: *Аллах, Андромеда, Гермес* и др.; общеизвестные клички животных: *Бобик, Жучка, Мурка* и др.; топонимы: *Цусима*.

Как можно заметить, восприятие окружающего мира носителями социолектов оказывается весьма продуктивным и своеобразным, что представляет далеко не простую проблему для переводчика.

Разбираемый материал относится в своем большинстве к весьма затруднительной с точки зрения перевода лексике, связываемой с отличающимися по языкам реалиями. Реалии русскоязычных социолектов отличаются от польскоязычных, также как и наоборот, польскоязычные не совпадают с русскоязычными.

Леонид С. Бархударов толкует реалии как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»<sup>7</sup>. Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет и пр., не имеющие постоянного соответствия в лексике другого языка, Бархударов относит к безэквивалентной лексике<sup>8</sup>.

Вместе с тем можно также предположить, что так называемая безэквивалентная лексика далеко не всегда выступает как безоговорочно безэквивалентная. На основании собранного лексического материала появляется впечатление, что в области имен собственных и мотивированных ими нарицательных иногда оказывается возможным частично подобрать эквивалентные единицы. Проблема лишь в том, чтобы установить, где проходит граница между переводимой, труднопереводимой и неперевоимой лексикой? Четкую границу провести невозможно, так как она обусловлена реалиями, которые в обобщенном виде весьма субъективны. Субъективизм, в том числе, заключается в знаниях, как переводчика, так и получателя перевода. Если знания переводчика и получателя совпадают, перевод принципиально возможен, если же знания (чаще со стороны получателя) не совпадают, перевод (подбор эквивалента), по крайней мере, может быть затруднителен.

Следует также иметь в виду и тот факт, что слово кроме реального значения обладает также потенциальным значением, которое у разных адресатов может вызывать различные ассоциации. Как замечает К. Гейвовски, например

---

<sup>6</sup> Регулярность мы понимаем как многократно повторяющиеся в сопоставляемых языках серии слов по данной формальной и семантической модели (например, образования, основанные на перечисленных именах).

<sup>7</sup> Л.С. Бархударов, *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*, Москва 1975, с. 29.

<sup>8</sup> Там же, с. 94; см., напр.: R. Lewicki, *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Lublin 2017, с. 265–293.

слово *gołqb* (голубь) вызовет у большинства людей ассоциацию – обычная городская птица. В то же время, у голубевода эти ассоциации будут варьировать вокруг таких определений, как необычная, прекрасная, умная и т.д. птица<sup>9</sup>.

Затрагивая проблематику перевода, стоит также обращать внимание на происхождение рассматриваемых лексических единиц. В русском языке такие слова могут оказаться исконными (*ваня, володя, шурик* и др.) или заимствованными (*пипин, чойболсан* и др.), уходящими своими корнями в иностранные имена собственные. Вместе с тем в разбираемом случае заимствованную лексику можно подразделить на более или менее известную и потому хорошо освоенную – русифицированную (*Жюль Верн, Моисей, Марко Поло, Микеланджело Буонарроти* и др.) и не такую известную, а потому в меньшей степени или совсем не освоенную (*Григорий Нисский, Пипин Горбатый* и др.).

Особых затруднений при переводе не вызывают интернационализмы – слова, встречающиеся в разных языках в аналогичных или близких значениях и совпадающие (с учётом фонетических и графических особенностей каждого языка) по форме звучания и написания. К интернационализмам, помимо терминологической лексики (научной, общественно-политической и т.д.), несомненно, можно отнести и ряд антропонимов, зоонимов, топонимов, идеонимов, хрематонимов, этнонимов и т.д. Подобного рода лексика не вызывает особых затруднений при переводе (подборе эквивалентов), при условии, что в языке адресата такой эквивалент существует. Если же нет, переводчик вынужден его создать, и тогда такая им созданная к случаю единица, т.е. окказионализм, потенциально способна получить распространение в заимствующем ее языке, став, в результате, узуальной.

К собранным нами именам нарицательным, мотивированным, предположительно, именами собственными, возможным видится наличие и подбор указанных эквивалентов в других языках при условии, если в данном этносе и его культуре имело место проявление источников, в которых данные имена зафиксированы.

При подходе чисто теоретическом для единиц, основанных на именах персонажей из кинофильмов либо литературных произведений, и наличии связанных с этим семантических признаков (поведение, внешний вид, черты характера и т.д.) достаточным было бы произвести транскрипцию либо транслитерацию, с тем чтобы передать соответствующую лексему языка-источника. Условием должно быть то, что данное произведение искусства известно среди носителей языка-адресата, в противном случае это будет лексическая единица без смысловой поддержки. Так, например, такие производные нарицательные от имен, как *белоснежка, бельмондо, борман, маргаритка, марго, матрёна, тарзан, фантомас, чебурашка* и т.д., несомненно, вызовут затруднения при переводе, если у адресата они не связаны с известным ему рядом объясняющих ассоциаций.

Стоит также иметь в виду и то обстоятельство, что даже если в данной этнокультуре имеют распространение данные произведения, подбор подходящего эквивалента либо образование переводчиком нового, в конечном итоге, может в целом ряде случаев быть не до конца понятен для адресата.

---

<sup>9</sup> K. Hejwowski, *Iluzja przekładu*, Wydawnictwo Naukowe Śląsk, Katowice 2015, s. 45.

Мы имеем в виду, в частности, фактор, связанный с возрастом (извечная проблема «отцов и детей»), приобретающий актуальность и в связи с подбором или образованием эквивалентов, относящихся к именам собственным, при их переводе на другой язык. Преэминентность и передача культурных ценностей и знаний от поколения к поколению<sup>10</sup>, а точнее ее отсутствие в современном мире, ведет к тому положению, что в тех или иных обстоятельствах имеется переводимое, которое может быть недоступным для адресата.

Не исключено, что, к примеру, такие слова, как *белоснежка*, *бельмондо*, *борман*, *марго*, *матрёна*, *тарзан*, *фантомас*, *чебурашка* и т.д., как мотивирующие стимулы в отношении своих производящих, далеко не всегда будут правильно декодированы. За всем этим может стоять не предвидимое в своих последствиях субъективное восприятие.

Логика подсказывает, что приводимый материал следует разделить на две основные группы: слова однозначные (вызывающие более или менее общепонятные и однозначные представления) и неоднозначные, в том числе и непонятные, вызывающие многосерийные, размывающиеся представления либо не вызывающие никаких ассоциаций. Такие, к примеру, слова как *белоснежка* (основная семантическая опора: *Белоснежка* → дочь короля, которую приютили в лесу гномы, спасая от гнева злой мачехи; вторичные ассоциации: молодая, красивая, невинная, добрая, чистосердечная, простодушная, наивная, инфантильная), *тарзан* (основная семантическая опора: *Тарзан* → человек воспитанный обезьянами; вторичные ассоциации: сильный, дикий, храбрый, заросший, небритый); *alibaba* (основная семантическая опора: *Али-Баба* → неожиданно сказочно разбогатевший бедняк; вторичные ассоциации: разбойник, главарь преступной группировки, богатство, сам Али-Баба не слишком сообразительный – существенные проблемы решала за него служанка), *garsija* (основная семантическая опора: сержант *Гарсия* → командир воинской части, задача которой поймать разбойника *Зорро*; вторичные ассоциации: солидные габариты, склонность к вину и застольям, добросовестный, но не очень понятливый), *holmes* (основная семантическая опора: *Шерлок Холмс* → частный сыщик; вторичные ассоциации: умный, интеллигентный, эффективный, доводит дело до конца) будут в большинстве своем расшифрованы, так как мотивирующие их имена персонажей имеют свое хождение в современной массовой культуре, что и вызывает большую либо меньшую их определенность и однозначность. В связи с этим можно предполагать, что подстандартные единицы, основанные на именах собственных подобного рода, не будут представлять затруднений при употреблении их в контексте, с точки зрения восприятия и понимания.

И тогда, например, *белоснежка*, в русскоязычных социолектах 'проститутка', при переводе на польский язык в том же значении (контексте) звучит как *śnieżka*; *тарзан* 'человек обросший волосами', в переводе на польский в том же значении, как *tarzan*; *garsija* 'толстый человек' → *garcsia*; *holmes*

---

<sup>10</sup> И.А. Гусак, Т.И. Кузнецова, *Взаимоотношения поколений в информационном обществе*, [в:] *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции*, Новосибирск 2013.

‘следователь’ → *холмс* и т.д. Иными словами, такие подстандартные единицы (нарицательные от имен собственных) при переводе на другой язык сохраняют свое значение.

В свою очередь, такие неосемантизмы как, например *бельмондо* (основная семантическая опора: *Жан-Поль Бельмондо* → французский киноактер; вторичные ассоциации: сильный, смелый, но странно себя ведущий), *борман* (основная семантическая опора: *Мартин Борман* → исторический персонаж, изображенный в сериале *Семнадцать мгновений весны* и сыгранный Юрием Визбором<sup>11</sup>; вторичные ассоциации: осторожный и хитрый, взвешивающий каждый свой шаг и каждое свое слово), *марго* (основная семантическая опора: *Королева Марго* → героиня исторического романа Александра Дюма<sup>12</sup>; вторичные ассоциации: самая красивая, самая образованная женщина Франции, олицетворение героизма и нравственного идеала), *матрёна* (основная семантическая опора: *Матрена* → героиня рассказа *Матренин двор* Александра Солженицына; вторичные ассоциации: простая деревенская женщина – простодушная, доброжелательная, в пожилом возрасте – старушка), *фантомас* (основная семантическая опора: *Фантомас* → персонаж, известный по комедийной тетралогии Андре Юнебеля: *Фантомас*, *Фантомас разбушевался*, *Фантомас против Скотланд-Ярда* и *Фантомас возвращается* с Луи де Фюнесом и Жаном Маре в главных ролях; вторичные ассоциации: гениальный преступник, скрывающий своё лицо, лысый), *чебурашка* (основная семантическая опора: *Чебурашка* → один из главных героев книги Эдуарда Успенского *Крокодил Гена и его друзья*, а также мультфильма, снятого на этой основе; вторичные ассоциации: маленькое существо с огромными ушами, большими добрыми глазами и коричневой шерстью, «ванька-встанька»).

Все перечисленные персонажи, равно как и многие другие, не перечисленные, по нашим предположениям, в настоящее время (второе десятилетие XXI века) не фиксируются в современной массовой культуре, что автоматически ограничивает круг адресатов и, тем самым, возможность правильного декодирования квазиносемантизма, образованного от данного имени собственного<sup>13</sup>. Как и в случае единиц предыдущей группы, перевод их на другой язык осуществляется путем упрощенной транскрипции и транслитерации вслед за первоисточниками – именами собственными, которые должны быть известны начитанному и образованному носителю языка. Тем самым, такие нарицательные образования, как, например, *бельмондо* ‘психически ненормальный человек’ в переводе на польский *belmondo*; *борман* ‘хитрый, ловкий человек’ → *borman*; *матрёна* ‘пожилая женщина’ → *matriona*; *фантомас* ‘лысый человек’ → *fantomas*; *forsajt* ‘англичанин’ → *форсайт*, *чебурашка* ‘глупый,

<sup>11</sup> В процессе декодирования квазиносемантизма, основанного на имени собственном, существенную роль может играть не только названный персонаж, но и внешний облик киноактера, исполняющего данную роль.

<sup>12</sup> Роман А. Дюма создал свой собственный, популярный в массовой культуре, хотя и далекий от исторических источников образ Маргариты де Валуа – *Марго*.

<sup>13</sup> Наши предположения основаны на кратких беседах-опросах с современной молодежью, которая, в своем большинстве, в настоящее время не обладает необходимыми знаниями относительно перечисленных персонажей.

придурковатый человек' → *czeburaszek* и/или *kiwaczek*<sup>14</sup>, будут более или менее правильно поняты ограниченным кругом адресатов.

Затронутая проблема касается исторических и общественно-политических, библейских, мифологических персонажей, топонимов, образованных от их имен нарицательных, которые в условиях европейской культуры предположительно и теоретически, должны быть известны определенному кругу носителей рассматриваемых языков: *гермес, демосфен, каин, кимирсен, пипин, сара, сорбонна, стаханов, цусима* и др. Без знания известных реалий, которые ведут за собой и определенную семантику разбираемых единиц, невозможно правильно декодировать и их производные. В собранном материале, как ранее говорилось, встречаются единицы, которые представляют еще более существенную проблему, как для переводчика, так и для адресата. Помимо упомянутого в самом начале слова *ботвинник*, к ним следует относить и такие, как *андромеда, гаврила, маргаритка, мурка, юда* и т.д.

Все эти слова формально (в фонетическом и графическом отношениях) совпадают с именами собственными, но, как уже было замечено, предположительно, не являются результатом неосемантизации либо неосемантизация играет для них второстепенную роль.

К примеру, *андромеда*, 'бесплодная женщина', скорее всего, это слово появилось в языке подстандарта как образование с помощью элемента *андро...* (греч. мужчина) с добавлением к нему последующего от *Андромеда*, а не, как можно предполагать, неосемантизм от имени *Андромеда*, которая, согласно греческой мифологии, будучи царицей Микен, не была бесплодной, родив Персею детей. Поскольку данное слово греческого происхождения, независимо от способа его попадания в социолекты, можно предполагать, что при переводе на польский язык, как нарицательное, *andromeda* будет понято правильно. В силу фонетического сходства и русское *юда* (от имени *Иуда*) 'еврей' можно попытаться перевести на польский как нарицательное *juda / judasz*.

В свою очередь, такие нарицательные, как *гаврила, маргаритка, мурка*, могут представлять собой проблему при переводе на польский язык, так как и в языке-источнике (русском) основания потенциального семантического переноса неоднозначны. Например, *гаврила* 'неотесанный грубый человек' можно понимать как слово от простонародного имени *Гаврила*. Поскольку сфера ассоциаций своеобразна и часто непредсказуема, и слово *маргаритка* 'минетчик' вызывает затруднения семантического характера. Неоднозначность ведет либо к имени *Маргарита*, сокр. *Маргаритка*, нередко ассоциирующимся с официанткой, обслугой, горничной в отеле, раздатчицей в столовой, санитаркой, т.е. доступной, согласно общему представлению, юной, в первую очередь, женщиной, либо, что менее вероятно, к персонажу рассказов для детей (*Маргаритка*), либо, что еще менее вероятно, но все же не исключено,

<sup>14</sup> Оба варианта, как имена собственные, проявились в польском языковом узусе. Отличие между ними лишь в способе перевода на польский: *Czeburaszek* (транслитерация + нулевая флексия) не передает адресату исходной семантики, в то время как *Kiwaczek* – дословный перевод (калька), семантику сохраняет (от *чебурашка*, ванька-встанька, куколка, которая, как ни кинь ее, сама встает на ноги, шатается, чебурахається – польск. *kiwa się*).

к названию цветка, в дословном переводе на польский *margerytka, stokrotka*. Так же как *мурка* 'наводчица, пособница воровской шайки' (*Мурка* – это и популярная кличка домашних кошек в России, и омонимическое образование от *МУР*, Московский уголовный розыск, но, в первую очередь, героиня известной песни блатного фольклора, выдавшая воров, за что и была ими убита).

Так же и в польскоязычных социолектах можно заметить слова, перевод которых на русский язык затруднителен в силу того, что уже в самом языке-источнике семантика не совпадает с потенциально мотивирующим словом. К таким единицам можно было бы отнести *dubczek* 'гомосексуалист' (от фамилии *Dubczek* или же образование от обценного *dupczyć* 'совокупляться' + *Dubczek*?); *ewka* 'женщина как таковая' (от фамильярной формы личного имени *Ewa* → *Ewka* или же фонетическое переосмысление *Ewka* → *mewka*?); *frania* 'женщина как таковая' (от уменьшительно-ласкательной формы *Franciszka* → *Frانيا* или же ассоциация со стиральной машиной *Frانيا*?); *jarema* 'человек из деревни' (от имени *Jeremi / Jarema* или же, скорее всего, от *zboża jare* – сельск.-хоз. яровые культуры или от *усл.* «*Stary, ale jary*» – «*Стар, но бодр*»?); *mańka* 'рука' (от увеличительной формы имени *Maria* → *Mańka* или от *mańkut* 'левша' → *mańka*?); *mietek* 'дворник; сторож' (от уменьш.-ласк. *Mieczysław* → *Mietek, Miecio* или же фонетическое искажение *miotła* 'метла' – «*Kto nie z Mieciami, tego zmiecie*»?); *szpilman* 'карманный вор' (от фамилии *Szpilman* или же от жарг. *szpila* 'нож' + *-man*?).

Как можно было заметить, мнимые неосемантизмы не только представляют затруднения для переводчика, но и, предположительно, представляют собой серьезную задачу и для исконных носителей языка, так как без более широкого лингвистического исследования многие слова, их семантика и этимология, представляются непонятны.

Собранный нами лексический материал отражает лишь небольшую часть, дающую возможность поставить вопрос о многоаспектности социолектной лексики, равно как и следующей из этого проблематики, связанной с попытками перевода непереводимого на другой язык.

Перечень отобранных единиц из словарей-источников: *абдула, абрам, ада, аза, аида, алёшка, аллах, андромеда, антон, батый, белоснежка, бобик, борман, ботвинник, буратино, ванёк, ванька, ваня, володя, гаврила, гермес, даша, дашка, демосфен, джон, дунька, егорка, жаботинский, жучка, иван, каин, ким ир сен, кирилл, клави, лаура, леля, люська, люся, максимка, манька, маня, маргаритка, марго, марго, марта, марта, маруся, марьяна, матрёна, маша, машка, мойша, мурка, мурка, нана, нана, наташка, петя, пипин, рамен, руслан, сара, стаханов, степа, степан, танька, тарзан, тимофей, троцкий, ульяна, фантомас, федя, феликс, фима, цусима, чебурашка, чингиз, чойболсан, шура, шурик, эзоп, эми, эстер, яков, янаев, яшка.*

## Литература

Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М., *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*, Москва 1992.

- Бархударов Л.С., *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*, Москва 1975.
- Быков В., *Русская феня*, Смоленск 1994.
- Гусак И.А., Кузнецова Т.И., *Взаимоотношения поколений в информационном обществе, [в:] Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции*, Новосибирск 2013.
- Елистратов В.С., *Словарь русского арго*, Москва 2000.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И., *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Москва 1999.
- Комиссаров В.Н., *Теория перевода: Лингвистические аспекты*, Москва 1990.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2001.
- Снегов С., *Язык который ненавидит. Толковый словарь лагерно-воровского языка*, Москва 1991.
- Фонвизин Д.И., *Недоросль*, Санкт-Петербург 2015.
- Червинский П., *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012.
- Шаповал В.В., *Теория и практика верификации словарных данных на основе источников. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*, Москва 2016.
- Hejwowski K., *Iluzja przekładu*, Wydawnictwo Naukowe Śląsk, Katowice 2015.
- Lewicki R., *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Lublin 2017.

### **Перевод на польский язык русских подстандартных нарицательных образованных от имен собственных**

#### **Резюме**

В статье выделяются и характеризуются единицы русского языкового подстандарта – нарицательные имена существительные (*ботвинник, егорка, стаханов* и др.) мотивированные именами собственными (*Ботвинник, Егорка, Стаханов* и др.). Данные имена называют человека по разным признакам (внешний вид, национальность, интеллект, профессия и др.). Автор пытается ответить на вопрос, возможен ли перевод таких языковых единиц на другой язык (польский) с учетом первичной и вторичной семантики?

**Ключевые слова:** социолект, имя собственное, имя нарицательное, перевод, эквивалент, семантика

### **A Translation of Russian Sociolectal Common Names Created on the Basis of Proper Names to Polish Language**

#### **Abstract**

Presented article is dedicated to the translation issue of common nouns based on Russian sociolects (*ботвинник, егорка, стаханов* and other), which are derived from proper names (*Ботвинник, Егорка, Стаханов* and other.). Considered nouns name people in terms of

appearance, nationality, intellect, profession etc. The author tries to answer the question of whether it is possible to select proper equivalent of the target language, so that it is properly decoded by the recipient.

**Key words:** sociolect, proper names, common nouns, equivalent, translation, semantics

Gustaw Michał Akartel, dr  
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie  
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Gustaw Michał Akartel, PhD  
Pedagogical University of Cracow  
Institute of Modern Languages (Russian Philology)  
e-mail: akartel@mail.ru